

Стендаль въ Москвѣ и въ Смоленскѣ.

Пожаръ Смоленска и Москвы въ описаніи будущаго изысканнѣйшаго писателя 20-хъ и 30-хъ гг.—тема этихъ немногихъ писемъ, предлагаемыхъ въ переводѣ русскому читателю. Писавшій ихъ не былъ новичкомъ въ военномъ дѣлѣ: волею судебъ и вліятельнаго родственника, графа Дарю, впоследствии генераль-интенданта Анри Бейль (Стендаль—литературный псевдонимъ) со школьной скамьи 17-лѣтнимъ мальчикомъ въ 1800 г. переходитъ Сень-Готардъ и получаетъ первое боевое крещеніе въ Италіи, которая отнынѣ становится для него землей обѣтованій. Годы ученія въ Парижѣ потомъ снова смѣняются годами походовъ, измѣнявшихъ карту Европы—недаромъ увѣрялъ Гейне въ „*Buch Le Grand*“, что, учась въ ту пору, онъ не могъ осилить географіи. Уже въ качествѣ интенданта Бейль вмѣстѣ съ арміей вступаетъ въ Берлинъ и Вѣну, въ Брауншвейгѣ, оставшись безъ гарнизона, защищаетъ лазаретъ отъ мятежной толпы горожанъ, возставшихъ противъ французовъ; наконецъ, становится участникомъ нашествія двенадцати языковъ на Россію и рокового отступленія великой арміи. Кстати сказать, его энергіи армія была обязана единственной выдачей провіанта на пути къ Березинѣ. Тетради дневника, который велъ Стендаль въ походѣ, къ сожалѣнію, погибли во время отступленія; но и немногія сохранившіяся письма содержатъ очень цѣнный матеріалъ для характеристики настроенія французовъ, которые послѣ пожара Смоленска, находясь уже въ Москвѣ, рассчитывали на придворные спектакли и концерты, собираясь „повидимому“ зимовать въ Россіи. Черезъ два мѣсяца самые счастливые, въ числѣ коихъ былъ и Стендаль, могли сообщить роднымъ, что потеряли все, кромѣ того платья, что на нихъ.

Но всѣ невзгоды 1812 г. не могли помрачить обаянія Наполеона, которому Стендаль остался вѣренъ до конца; въ январѣ 1814г., когда имперія находилась при послѣднемъ издыханіи, онъ сопровождалъ чрезвычайнаго комиссара, сенатора графа С. Валье въ Гренобль, чтобы организовать защиту города и Савойской границы отъ австрійцевъ. Таковъ послужной списокъ будущаго писателя: матеріалъ для своихъ произведеній, для излюбленной имъ „науки о человѣкѣ“ онъ черпалъ не изъ архивной пыли.

Сподвижникъ Наполеона до его паденія, Стендаль послѣ Реставраціи надолго—до іюльской революціи—сошелъ съ общественно-политической сцены. Его захватываетъ творчество, искусство, любовь. Изъ-подъ его пера выходятъ монографіи, посвященныя Гайдну и Россіи; „Исторія живописи въ Италіи“, опытъ философіи искусства, къ которой потомъ сводятся всѣ теоріи Тена; остроумный памфлетъ о романтизмѣ; непринужденные очерки Италіи; беллетристическіе этюды; наконецъ, единственный въ своемъ родѣ и, къ сожалѣнію, совершенно у насъ неизвѣстный трактатъ о „наукѣ страсти нѣжной“—„De l'amour“—своеобразная и утонченная метафизика любви и поэма, и докторская диссертация, и дневникъ влюбленнаго. Но этого мало. Родоначальникъ психологическаго романа, въ самыхъ зрѣлыхъ и совершенныхъ своихъ произведеніяхъ въ „Le Rouge et le Noir“ и „La Chartreuse de Parme“ Стендаль не только развиваетъ и иллюстрируетъ положенія своего трактата „О любви“, но становится такимъ же лѣтописцемъ бонапартизма, какъ Беранже, пѣвецъ Наполеона. Не говоря о незаконченномъ жизнеописаніи Наполеона, составленномъ отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, Стендаль на любимыхъ своихъ герояхъ, своемъ alter ego, Жюльенѣ Сорелѣ и Фабриціи дель Донго, покорныхъ властителю думъ своего поколѣнія, глубже, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему писателей, не исключая Бальзака, вскрываетъ и анализируетъ тайну обаянія Наполеона для молодой Франціи и культа его имени, запечатлѣваетъ то безпокойное броженіе умовъ, которое не прекратилось, а только спряталось, ушло вглубь послѣ паденія кумира.

Въ Жюльенѣ Сорелѣ романистъ изображаетъ одного изъ тѣхъ тысячъ раннихъ честолюбцевъ изъ народа, которые, родившись вслѣдъ за поколѣніемъ „Маленькаго капрала“ и его сподвижниковъ, вознесенныхъ съ нимъ волной удачи изъ ничтожества къ славѣ и власти, уже не могутъ, разбуженные мощнымъ толчкомъ, оставаться на днѣ, а вступаютъ одинъ на одинъ въ ожесточенный бой съ обществомъ, съ привилегированными классами за свое право на жизнь. Лозунгъ дня—послѣдніе да будутъ первыми! За-

гораются самая жестокая изъ войнъ—война социальная, несущая въ своихъ нѣдрахъ революціи XIX вѣка.

Горящаго энтузіазмомъ передъ именемъ Наполеона Фабриція дель Донго Стендаль заставляетъ въ 16 лѣтъ бѣжать изъ родительскаго дома и присутствовать на Ватерлооскомъ сраженіи, какъ молодую дѣвушку на ея первомъ балу. Этотъ батальный эпизодъ „*Chartreuse de Parme*“, которую авторъ писалъ уже на склонѣ лѣтъ, съ трепетомъ вслomniaя свои юношескія увлеченія, съ привычной суровой правдивостью воспроизводя впечатлѣнія военныхъ лѣтъ, училъ писать, по собственному признанію, творца „*Войны и Мира*“.

Если, такимъ образомъ, жизнь и творчество Стендаля прошли подъ знакомъ Бонапарта, такъ интимно съ нимъ связаны, то тѣмъ большій интересъ приобрѣтаютъ письма этого неслучайнаго свидѣтеля и умнаго „наблюдателя человѣческаго рода“, какъ онъ любилъ себя называть. Это же даетъ имъ право на вниманіе русскаго читателя. Разумѣется, ихъ интересъ этимъ не исчерпывается.

Знаменательны не только міровыя событія, нашедшія отраженіе на этихъ разрозненныхъ страницахъ, привлекаетъ вниманіе и авторъ ихъ, этотъ парадоксальный, скептической, противорѣчивый и многогранный талантъ, солдатъ и дипломатъ, артистъ и писатель для немногихъ, который предсказалъ и угадалъ, что его поймутъ и будутъ читать въ 1880 г. Въ этомъ смыслѣ характерны и экскурсіи въ области „бейлизма“, той нравственной филозофіи, что выросла на идеяхъ вѣка просвѣщенія, на Гобсѣ, Кабанисѣ и дю Траси, и попытки психолога опредѣлить сущность воздѣйствія музыки, и нотки брезгливо-высокомѣрнаго эстетизма и порыванія въ Италію, въ Миланъ, обѣтованный край, гдѣ прожиты лучшіе годы. Не даромъ въ своей, имъ же сочиненной, эпитафіи онъ завѣщалъ на надгробномъ памятникѣ назвать себя миланцемъ.

Arrigo Beyle, Milanese,
Serisse Amo, Visse.

Съ этой точки зрѣнія эти письма заполняютъ пробѣлы издавнаго вѣрнымъ апостоломъ Бейля, К. Стріенскимъ въ 90-хъ гг. „Дневника“ и автобіографіи (*Vie de Henri Bruland*), достойной стать наравнѣ съ самыми замѣчательными „книгами признаній“, съ жизнеописаніемъ Бенвенуто Челлини, записками м-мъ Роланъ, „Исповѣдью“ Руссо. Но въ этой части они важны только для того, кто увлеченъ проблемой Стендаля какъ человѣка, и не у мѣста было бы здѣсь долѣше останавливаться на этомъ ихъ значеніи.

I. Феликсеу Фору въ Греноблѣ ¹⁾.

Смоленскъ 19 авг. 1812 г.

Пожаръ намъ показался столь красивымъ зрѣлищемъ, что несмотря на боязнь пропустить обѣдъ, единственный въ такомъ городѣ, и на боязнь гранатъ, которыми русскіе черезъ огонь бомбардировали французовъ, могущихъ находиться на берегу Борисфена (Днѣпра), мы спустились черезъ ворота, находящіяся близъ красивой часовни; только что тамъ разорвалась граната, все еще дымилось. Мы храбро пробѣжали шаговъ двадцать, перешли черезъ рѣку по мосту, который на-спѣхъ строилъ генераль Киргенеръ. Мы подошли совсѣмъ близко къ пожарищу, гдѣ нашли много собакъ и нѣсколько лошадей, выгнанныхъ изъ города распространившимся всюду огнемъ.

Мы любовались столь рѣдкимъ зрѣлищемъ, когда къ К. Марціалу обратился начальникъ батальона, который былъ ему знакомъ лишь, поскольку онъ занялъ вслѣдъ за нимъ его квартиру въ Ростокѣ. Этотъ славный малый рассказалъ намъ подробно о своихъ стычкахъ утромъ и наканунѣ и потомъ началъ безконечно расхваливать съ дюжину ростокскихъ дамъ, которыхъ онъ намъ назвалъ; но одну изъ нихъ расхвалилъ гораздо больше остальныхъ. Опасеніе прервать человѣка, настолько увлеченнаго своей темой, и желаніе смѣяться удержали насъ около него до 10 час., когда ядра посыпались съ новой силой.

Мы стали сокрушаться по поводу утраты обѣда, и я условился съ Марціаломъ, что онъ войдетъ первымъ, чтобы получить выговоръ, который мы заслужили отъ Г. Дарю, когда мы замѣтили въ Вышгородѣ необычайный свѣтъ.

Мы приближаемся, мы находимъ всѣ наши коляски посреди улицы, тогда какъ восемь большихъ домовъ по сосѣдству съ нашимъ бросаютъ снопы пламени вышиной футовъ въ 60 и покрываютъ горящими угольями, величиной съ руку, домъ, гдѣ мы помѣстились нѣсколько часовъ тому назадъ; мы продырявили крышу въ 5 или 6 мѣстахъ и помѣстили тамъ, какъ на церковныхъ амвонахъ, полдюжину гренадеровъ, вооруженныхъ длинными палками, чтобы сбивать и сбрасывать искры; они очень хорошо дѣлали свое дѣло. Г. Дарю распоряжался всѣмъ. Работа, усталость, суета до полуночи.

¹⁾ Correspondance de Stendhal (1800—1842), publiée par Paupe et Cheramy. Paris, 1908, t. I.

Нашъ домъ загорался три раза, а мы тушили огонь. Наша штабъ-квартира была во дворѣ, гдѣ, сидя на соломѣ, мы смотрѣли на крыши дома и службъ, указывая гренадерамъ своими криками мѣста, наиболѣе пораженные искрами.

Мы всѣ—и Дарю, графъ Дюма, Бенаръ, Жакомино настолько извелись, что засыпали, говоря другъ съ другомъ; не засыпалъ только хозяинъ дома (Дарю).

Наконецъ, появился столь желанный обѣдъ; но какъ мы ни были голодны, ничего не ѣвъ съ 10 час. утра, смѣшно было смотрѣть, какъ каждый засыпалъ на стулѣ съ вилкой въ рукѣ. Боюсь, чтобъ моя длиннѣйшая исторія не произвела того же дѣйствія. Простите мнѣ его, madame ¹⁾, и сожгите письмо, потому что мы условились, что только бюллетени должны рассказывать объ арміи...

Армія отбросила русскихъ еще на 4 лье въ теченіе этой ночи; мы—на разстояніи 96 лье отъ Москвы.

II. Феликсу Фору въ Греноблѣ.

Смоленскъ, въ 80 лье отъ Москвы. 24 авг. 1812 г.

Я получилъ твое письмо черезъ 12 дней, несмотря на то, что оно совершило путь въ 800 лье, какъ все, что мы получаемъ изъ Парижа. Ты очень счастливъ, и я этимъ доволенъ. Я совершенно не помню того своего совѣта, который ты находишь хорошимъ. Или это, быть можетъ, совѣтъ пораньше начать работать надъ изданіемъ Монтескье и сочетать мысль объ этомъ трудѣ съ мыслью о своемъ счастьѣ. Мое счастье здѣсь невелико. Какъ человѣкъ мѣняется! Эта жажда видѣть, которая у меня была нѣкогда, совсѣмъ потухла; съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ Миланъ и Италію, все, что бы я ни видѣлъ, отталкиваетъ меня своею грубостью. Повѣришь ли, что безъ всякой личной причины, безъ чего бы то ни было, что затрагивало бы меня больше другого, я иногда готовъ проливать слезы. Въ этомъ океанѣ варварства ни одинъ звукъ не отвѣчаетъ моей душѣ. Все грубо, грязно, зловонно въ физическомъ и моральномъ отношеніи. Я испыталъ только небольшое удовольствіе, заставилъ играть на маленькомъ разстроенномъ піанино, существо, которое чувствуетъ музыку въ такой же мѣрѣ, какъ я—обѣдню. Честолюбіе потеряло для меня всякую цѣну; самое лучшее отличіе не вознаградило бы меня за грязь, въ которую я влѣзъ. Я представляю себѣ высоты, гдѣ обитаетъ моя душа (когда я пишу

¹⁾ Шутка или уловка.

книги, слушаю Чиморозу и люблю Анджелу въ прекрасномъ краѣ) — какъ восхитительныя вершины; вдали отъ этихъ вершинъ, въ долинѣ — смрадное болото; я погрузился въ это болото, и ничто на свѣтѣ, кромѣ географической карты, не напоминаетъ мнѣ о моихъ вершинахъ.

Повѣришь ли, что я испытываю живѣйшее удовольствіе, занимаясь оффиціальными дѣлами, которыя имѣютъ отношеніе къ Италіи. У меня ихъ 3 или 4; даже будучи закончены, они занимаютъ мое воображеніе, какъ романъ.

Я испыталъ неудачу близъ Вильны, въ Бойордовискомъ, гдѣ я нагналъ армію, когда этотъ край еще не былъ организованъ. Я испыталъ чрезмѣрныя физическія лишенія. Чтобы добратъся, я оставилъ свою коляску позади, и коляска эта все еще меня не нагнала. Возможно, что она ограблена. Лично для меня это еще полбѣды: потерянныхъ вещей тысячи на 4 франковъ, да неудобство, но я везъ вещи всѣмъ и каждому. Съ какимъ глупымъ видомъ придется раскланиваться съ этими господами!

Впрочемъ, это не вліяетъ на настроеніе, о которомъ я тебѣ говорилъ, я старѣю. Отъ меня зависитъ быть болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ кто-либо въ бюро, гдѣ я пишу, съ ушами, оглушенными пошлостями, но я не испытываю никакого удовольствія. Гдѣ-то бюро — въ Брауншвейгѣ или Вѣнѣ. Все это заставляетъ меня страшно добиваться должности супрефекта въ Римѣ. Я не сталъ бы колебаться, если бы былъ увѣренъ, что умру въ 40 лѣтъ. Это грѣшитъ противъ бейлизма. Вотъ слѣдствіе отвратительнаго моральнаго воспитанія, которое мы получили. Мы похожи на апельсины, выросшіе посреди ледянаго озера въ Исландіи.

Пиши мнѣ больше; я нашелъ твое письмо слишкомъ короткимъ для 800 лье. Попроси Анджелу написать мнѣ. Я люблю Парижъ только въ Парижѣ; мнѣ этотъ городъ пріѣлся, какъ и тебѣ, кажется, но я люблю ощущенія, которыя мнѣ тамъ доставили *Painting* и *Orega Buffa* (живопись и комич. опера).

Прощай; кажется, мы двигаемся.

III. Феликсу Фору въ Греноблѣ.

Москва, 2 окт. 1812 г.

Позавчера я получилъ въ кровати твое маленькое, но хорошее письмо отъ 12 сент., мой дорогой другъ. Чтобы усилить контрастъ между осенью 1811 и 1812 г., чрезмѣрная физическая усталость и питаніе исключительно мясомъ вызвали у меня здоровую желчную лихорадку, которая сильно разыгралась сначала; мы съ ней все-таки

справились, и я пишу тебѣ, сидя у министра; это мой первый выходъ. Эта болѣзнь была пріятна мнѣ тѣмъ, что доставила 8 дней одиночества. У меня былъ досугъ, чтобы увидѣть, что, въ виду чрезвычайно скучныхъ обстоятельствъ, надо приняться за что-нибудь поглощающее. Поэтому я снова принялся за „Letellier“¹⁾. Меня потянуло къ нему воспоминаніе о чистыхъ и порой восхитительныхъ наслажденіяхъ, которыя я испыталъ послѣдней зимой въ теченіе 7 мѣсяцевъ, начиная съ 4 дек. Это занятіе увлекало меня вчера и позавчера. Удовольствіемъ освѣщается способность сужденія, и сегодня я увидѣлъ еще яснѣе, что это очень хорошій исходъ. Ты долженъ чувствовать истину, что счастье освѣщаетъ способность сужденія. О вещахъ, относящихся къ женщинамъ, о способѣ давать и заставлять ихъ чувствовать любезность, ты держался многихъ сужденій, которыя казались мнѣ невѣрными, потому что по причинамъ страннымъ и совершенно не существующимъ въ природѣ, какъ, напр., большой носъ, большой лобъ, ты упорно хотѣлъ видѣть себя на одной чашѣ вѣсовъ. Сейчасъ счастье перебросило тебя на другую чашу и, конечно, должно привести тебя къ принципамъ чистаго „бейлизма“. Недѣлю тому назадъ я читалъ „Исповѣдь“ Руссо. Онъ былъ такъ несчастенъ только потому, что не зналъ двухъ или трехъ принциповъ „бейлизма“. Манія видѣть всюду обязанности и добродѣтель сдѣлала педантическимъ его стиль и составила несчастье его жизни. Онъ сближается съ какимъ-нибудь человѣкомъ въ теченіе 3 недѣль. Этотъ человѣкъ не думаетъ о немъ больше черезъ 2 года; онъ ищетъ для этого черное объясненіе „бейлизмъ“. Сказалъ бы ему: „Два тѣла сближаются—рождается теплота и броженіе, но всякое состояніе этого рода—преходяще. Это цвѣтокъ, которымъ надо наслаждаться съ упоеніемъ и т. д.“. Ты схватываешь мою мысль? Самыя прекрасныя вещи у Руссо для меня отзываются эмпириями и не обладаютъ той Корреджіевой граціей, которую уничтожаетъ малѣйшая тѣнь педантизма. Повидимому, я проведу здѣсь зиму: надѣюсь, что у насъ будутъ концерты. При дворѣ будутъ, конечно, спектакли, но каковы будутъ актеры? Между тѣмъ съ нами Таркини, одинъ изъ лучшихъ теноровъ.

Ничто такъ не спасаетъ меня отъ общества дураковъ, какъ музыка; съ каждымъ днемъ она становится мнѣ дороже. Но откуда это удовольствіе? Музыка изображаетъ природу; Руссо говоритъ, что часто она перестаетъ изображать ее непосредственно, когда это становится невозможнымъ, чтобы вмѣсто того привести душу

¹ Комедія, оставшаяся незаконченной.

средствами, ей свойственными,—въ состояніе, похожее на то, въ которое привелъ насъ предметъ, ею описываемый. Вмѣсто того, чтобы изображать тихую ночь,—вещь невозможная,—музыка даетъ душѣ то же ощущеніе, зарождаетъ въ ней тѣ же чувства, которыя внушаетъ тихая ночь.

Ты понимаешь въ этомъ что-нибудь? Я пишу тебѣ въ маленькой комнаткѣ, гдѣ двое молодыхъ дураковъ, прибывшихъ изъ Парижа, высказываютъ свое мнѣніе по поводу того, что надо было сдѣлать въ Москвѣ, и не даютъ мнѣ возможности связать двухъ мыслей; мнѣ надо было много высказать тебѣ, а теперь я выдохся.

Что касается музыки, мнѣ кажется, что я предпочитаю хорошія комическія оперы, потому что онѣ вызываютъ ощущенія идеальнаго совершенства комедіи. Лучшей комедіей для меня была бы та, которая вызывала бы ощущенія, похожія на тѣ, что вызываетъ у меня *Matrimonio Segreto*; это въ душѣ мнѣ кажется яснымъ.

Запечатай письмо для моего дорогаго дѣда.

IV. Феликсу Фору въ Греноблѣ.

Москва, 4 окт. 1812.

Я оставилъ своего генерала (графа Дарю, главнаго интенданта арміи) за ужиномъ во дворцѣ Апраксина. Выходя и прощаясь во дворѣ съ г. Z., мы замѣтили, что кромѣ пожара въ Китай-Городѣ, который разгорался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, начался также пожаръ рядомъ съ нами; мы туда пошли. Очагъ былъ очень горячъ. У меня заболѣли зубы во время этой экспедиціи. Мы остановили солдата, который ударилъ два раза штыкомъ человѣка, выпившаго пива; я даже извлекъ шпагу и чуть было не ударилъ его негодяя. Буржуа отвелъ его къ губернатору, который его выпустилъ.

Мы ушли черезъ часъ, высказавъ много общихъ мѣстъ противъ пожаровъ, что не произвело большого впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ. Вернувшись въ домъ Апраксина, мы попробовали пустить въ ходъ кишку. Я легъ, мучимый зубной болью. Какъ кажется, нѣкоторые изъ этихъ господъ были такъ добры, что обезпокоились и выбѣгали въ 2 и въ 5 час. Что касается меня, я проснулся въ 7 час., велѣлъ запретъ свою коляску и поставить ее за колясками г. Дарю.

Коляски отправились на бульваръ противъ клуба. Тамъ я встрѣтилъ м-мъ В...., которая захотѣла броситься мнѣ въ ноги; это была очень смѣшная встрѣча. Я замѣтилъ, что во всемъ, что говорила мнѣ м-мъ В., не было ни тѣни естественности, что, конечно,

меня заморозило. Все-таки я много сдѣлалъ для нея, взявъ ея толстую belle soeur въ свою коляску и предложивъ, чтобы ея дрожки слѣдовали за моей коляской. Она сказала мнѣ, что m-me Sainte Albe много говорила ей обо мнѣ.

Пожаръ быстро приближался къ дому, который мы покинули. Наши коляски оставались 5 и 6 час. на бульварѣ. Наскучивъ этимъ бездѣйствіемъ, я пошелъ посмотреть огонь и остановился на часъ или на два у Жуанвиля¹⁾. Я любовался комфортабельностью обстановки его дома; мы выпили тамъ вмѣстѣ съ Биллье и Буше 3 бутылки вина, которыя возвратили намъ жизнь.

Я прочелъ тамъ нѣсколько строкъ англійскаго перевода „Виргинія“, которыя среди общей грубости вернули мнѣ нѣсколько душевную жизнь.

Я пошелъ съ Луи смотреть на пожаръ. Мы увидѣли нѣкоего Савуа, коннаго капонира, который въ пьяномъ видѣ наносилъ сабельные удары офицеру гвардіи и приставалъ къ нему съ глупостями. Онъ былъ неправъ и въ концѣ концовъ былъ принужденъ попросить прощенія. Одинъ изъ его товарищей по грабежу углубился въ улицу, охваченную огнемъ, гдѣ онъ, вѣроятно, изжарился. Я увидѣлъ новое доказательство недостатка характера у французовъ вообще. Луи пожелалъ успокаивать этого человѣка ради офицера-гвардейца, который подвелъ бы его при первомъ соперничествѣ, вмѣсто того, чтобы питать ко всему этому безпорядку заслуженное презрѣніе, онъ рисковалъ выслушать глупости на свой счетъ. Что касается меня, я восхищался терпѣніемъ офицера гвардіи; я бы ударилъ саблей Савуа по носу, изъ-за чего могъ бы имѣть столкновение съ полковникомъ. Офицеръ дѣйствовалъ осторожно.

Въ 3 часа я вернулся къ вереницѣ нашихъ колясокъ и грустныхъ товарищей. Только что въ сосѣднихъ деревянныхъ домахъ открыли складъ муки и складъ овса, я велѣлъ своей прислугѣ взять того и другого. Они засуетились, сдѣлали видъ, что взяли много, а на самомъ дѣлѣ все ограничилось немногимъ. Такъ они въ арміи поступаютъ всегда и во всемъ; это вызываетъ раздраженіе. Какъ ни хочется не обращать вниманія, въ концѣ концовъ беретъ нетерпѣніе, такъ какъ ко мнѣ всегда приходятъ съ жалобой, и я провожу несчастные дни. Впрочемъ, я проявляю еще меньшее нетерпѣніе, чѣмъ другіе, но зато имѣю несчастье выходить изъ себя. Я завидую нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей, которыхъ, кажется, можно всячески обругать, не разсердивъ ихъ по-настоя-

¹⁾ Бар. Ж.—военный интендантъ.

щему; они повышаютъ голосъ и только. Они отряхаютъ уши, какъ говорила мнѣ графиня Пальфина. „Пришлось бы быть очень несчастнымъ, если этого не дѣлать“, добавляла она. Она права; но какъ давать доказательства подобнаго смиренія, обладая чувствительной душой?

Около 3¹/₂ час. мы вмѣстѣ съ Биллье пошли осматривать дома графа Петра Салтыкова. Они показались намъ подходящими для S. E. Мы пошли въ Кремль, чтобы предупредить его; мы остановились у генерала Дюма, который стоитъ на перекресткѣ.

Генераль Киргенеръ сказалъ Луи при мнѣ: „Если бы мнѣ дали 4 тыс. человекъ, я въ теченіе 6 час. остановлю огонь“. Эти слова меня поразили. (Сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Ростопчинъ непрерывно поджигалъ снова; будь огонь остановленъ направо, онъ оказался бы налѣво въ 20 мѣстахъ). Мы увидѣли Марціала, который шелъ изъ Кремля, и провели его въ домъ Салтыкова, который былъ осмотрѣнъ всѣми подробно. Г. Дарю нашелъ въ немъ неудобства; ему предложили осмотрѣть другіе дома по направленію къ клубу. Мы увидѣли клубъ, украшенный во французскомъ стилѣ, величественный и дымящійся. Въ Парижѣ въ этомъ родѣ нѣтъ ничего похожаго. Послѣ клуба мы осмотрѣли сосѣдній домъ, огромный и великолѣпный, наконецъ, красивый бѣлый четырехугольный домъ, который рѣшили занять.

Мы всѣ очень устали, я больше другихъ. Начиная отъ Смоленска, я чувствую себя совсѣмъ обезсиленнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ ребячество внести оживленіе и интересъ въ эти поиски дома. Интересъ—слишкомъ много сказано, но много оживленія.

Мы, наконецъ, располагаемся въ этомъ домѣ, гдѣ, повидимому, жилъ человекъ богатый и любящій искусство. Онъ былъ удобно расположенъ, полонъ статуэтокъ и картинъ. Были и прекрасныя книги, въ частности Бюффонъ, Вольтеръ, котораго здѣсь можно найти всюду, и *Galerie du Palais Royal*.

Сильные поносы заставляли всѣхъ бояться недостатка вина. Намъ сообщили пріятную новость, что можно было его достать изъ погреба прекраснаго клуба, о которомъ я говорилъ. Я уговорилъ отца Биллье идти туда. Мы проникли въ погребъ черезъ великолѣпную конюшню и черезъ садъ, который былъ бы красивъ, если бы деревья этого края не казались мнѣ неизмѣнно убогими.

Мы отправили нашихъ слугъ въ этотъ погребъ; они прислали намъ много сквернаго бѣлаго вина, камчатныхъ скатертей, такихъ же салфетокъ, но очень поношенныхъ. Мы все это взяли, чтобы сдѣлать изъ этого простыни.

Маленькій М. I, отъ главнаго интенданта, пришедшій грабить,

какъ и мы, принялся дарить все, что мы брали. Онъ говорилъ, что хочетъ завладѣть домомъ для главнаго интенданта, и на этомъ основаніи морализировалъ; я призывалъ его нѣсколько къ порядку.

Мой слуга былъ совсѣмъ пьянъ; онъ натаскалъ въ коляску скатертей, вина, скрипку, которыя стащилъ для себя, и тысячу другихъ вещей. Мы съ двумя или тремя товарищами пообѣдали и выпили вина.

Прислуга устраивалась въ домѣ, пожаръ былъ далеко отъ насъ и заполнялъ всю атмосферу до значительной высоты дымомъ; мы устроились и, наконецъ, собирались отдохнуть, когда г. Дарю, вернувшись, объявилъ намъ, что нужно уходить. Я мужественно отнесся къ этой новости, но почувствовалъ себя безъ рукъ и безъ ногъ.

Моя коляска была полна до верху. Я помѣстилъ къ себѣ еще этого надобливаго бѣднягу В., котораго подобралъ изъ жалости, чтобы оказать другому доброе дѣло—Биліотти. Это самое глупое и скучное балованное дитя, которое я когда-либо зналъ.

Я утащилъ изъ дому, прежде чѣмъ уйти оттуда, томъ Вольтера подъ заглавіемъ „Facéties“.

Мои коляски съ Франсуа заставили себя ждать. Мы отправились въ путь только около 7 час. Мы встрѣтили г. Дарю, взбѣшеннаго. Мы двигались прямо по направленію къ пожару, слѣдуя вдоль бульвара. Мало-по-малу мы попали въ домъ, становилось трудно дышать; наконецъ, очутились между горящими домами. Всѣ наши предпріятія становятся опасны только благодаря полному отсутствію порядка и осторожности. Такъ, здѣсь довольно длинная вереница колясокъ углублялась въ огонь, чтобы избѣгнуть его. Этотъ маневръ имѣлъ бы смыслъ, лишь поскольку какой-либо кварталъ города былъ бы окруженъ огненнымъ кольцомъ. Но положеніе совсѣмъ не было таково; огонь охватилъ городъ съ одной стороны, надо было оттуда выйти; но совершенно не было необходимости проникать черезъ огонь; надо было обойти его.

Невозможность остановила насъ, наконецъ. Мы сдѣлали пол-оборота. Тогда какъ я думалъ о грандіозномъ зрѣлищѣ, которое созерцалъ, я на мгновеніе забылъ, что повернулъ мою коляску раньше другихъ. Я усталъ, шелъ пѣшкомъ, потому что моя коляска была наполнена добромъ, награбленнымъ прислугой, и въ ней уже расположился В. Миѣ показалось, что коляска моя потерялась въ огнѣ; она не подверглась бы никакой опасности, но мой слуга, какъ и остальные, былъ пьянъ и могъ заснуть посреди горящей улицы.

Возвращаясь, мы встрѣтили на бульварѣ генерала Киргенера, которымъ я былъ очень доволенъ въ этотъ день. Онъ вернулъ

насъ къ мужеству, т. е. къ здоровому смыслу, и показалъ, что имѣлось 3 или 4 пути для выхода.

Мы послѣдовали однимъ изъ путей около 11 час., пересѣкая вереницу повозокъ и ссорясь съ возницами короля Неаполитанскаго. Потомъ я замѣтилъ, что мы двигались по Тверской. Мы вышли изъ города, освѣщеннаго самымъ великолѣпнымъ пожаромъ, который образовалъ громадную пирамиду; какъ молитвы вѣрныхъ, ея основаніе было на землѣ, а вершина на небѣ. Луна показалась надъ этой атмосферой пламени и дыма. Это было грандіозное зрѣлище, но надо было бы быть одному или въ обществѣ людей неглупыхъ, чтобы насладиться имъ.

Русскую кампанію испортило для меня то, что ее пришлось совершить съ людьми, которые уменьшили бы Колизей и Неаполитанскій заливъ.

Мы двигались великолѣпной дорогой къ дворцу, называемому Петровскимъ, гдѣ Е. В. остановился. Трахъ! посреди дороги я вижу изъ своей коляски, гдѣ изъ милости нашлось мѣстечко для меня, что коляска г. Дарю наклоняется и наконецъ падаетъ въ канаву. Дорога была шириной футовъ въ 80. Проклятiя, раздраженіе: очень трудно было поднять коляску.

Наконецъ, мы подошли къ бивуаку; онъ былъ напротивъ города. Мы очень хорошо видѣли громадную пирамиду изъ московскихъ пiанино и дивановъ, которые доставили бы намъ столько радостей безъ этой маніи поджоговъ. Этотъ Росточинъ—негодяй или римлянинъ; увидимъ, какъ посмотрятъ на этотъ поступокъ. Сегодня въ одномъ изъ дворцовъ Росточина нашли записку; онъ говоритъ, что во дворцѣ мебели на миллионъ, кажется, и т. д., но онъ поджигаетъ его, чтобы имъ не могли воспользоваться разбойники. На самомъ дѣлѣ, его прекрасный московскій дворецъ не подожженъ.

Добравшись до бивуака, мы поужинали сырой рыбой, фигами и виномъ. Таковъ былъ конецъ этого труднаго дня, въ теченіе котораго мы двигались съ 7 час. утра до 11 час. вечера. Еще хуже то, что въ 11 час., садясь въ свою коляску, рядомъ съ надоѣдливимъ В. и сидя на бутылкахъ, покрытыхъ вещами и салфетками, я почувствовалъ опьяненіе изъ-за этого сквернаго бѣлаго вина, награбленнаго въ клубѣ. Сохрани эту болтовню; надо, чтобы я, по крайней мѣрѣ, воспользовался этими лишеніями и вспомнилъ бы ихъ. Мнѣ очень надоѣли мои товарищи по походу. Прощай. Пиши мнѣ и веселись; жизнь коротка.

V. Сестрѣ Полинѣ въ Греноблѣ.

Вильна. 7 декабря 1812 г.

Я здоровъ, дорогой другъ. Я очень часто думалъ о тебѣ на протяженіи долгаго пути изъ Москвы сюда, который длился 50 дней. Я все потерялъ и имѣю только платье, которое на мнѣ. Еще лучше то, что я похудѣлъ. Я испыталъ много физическихъ лишений, никакого нравственнаго удовлетворенія; но все забыто, и я готовъ начать все сызнова на службѣ Его Величества.

Сообщ. А. Хоментовская.

